

Тихий и нежный голос стал строгим, он схватил Малыша А Да за запястье, не позволяя ему приблизиться. Но, похоже, он не смог противостоять силе человека Северных Равнин и в конце концов отпустил руку, позволив поцелуям коснуться его щёк и шеи.

Это была пьяная фантазия, ведь когда Малыш А Да резко сел, услышав взрыв снаряда, в лагере началась паника.

Схватив винтовку, он выбежал в клубы пыли.

Старина Су открыл дверь, и та самая семья ушла.

В комнате Сяо Цзяна витал запах дыма и алкоголя. Он действительно выпил много. Сяо Цзян был склонен к пьянству, об этом говорили ещё со времён Вэнь Юна. Он много раз пытался бросить, но, видимо, без успеха.

Старина Су помог убрать бутылки со стола, предложив остаться с Сяо Цзяном.

Однако Сяо Цзян махнул рукой, шатаясь, направился к бару:

— Не нужно, ты иди, я ещё выпью и лягу спать.

— У вас утром встреча, я могу отвезти вас, это будет удобнее, — напомнил Старина Су.

Но это напоминание оказалось неуместным, ведь как только Сяо Цзян с трудом достал бутылку с верхней полки, он подумал и сказал:

— Да, ты иди. Пусть Бань Цзюнь останется, ему нужно освоить несколько залов для встреч.

Услышав это, Старина Су рассердился:

— Бань Цзюнь ничего не умеет, он может сначала поработать со мной. Вы же сами говорили, что нужно подготовить материалы...

— Разве нет навигации? Это же просто, — прервал его Сяо Цзян, снова сказав:

— Ты иди, текст выступления пришлёт секретарь.

Гнев Старины Су был очевиден. Он яростно смотрел на Сяо Цзяна, но тот даже не взглянул на него, сосредоточившись на бутылке, из которой сделал несколько глотков, прежде чем налить в бокал.

Проходя мимо Бань Цзюня, Старина Су взглянул на него так, будто хотел вырвать кусок плоти.

Бань Цзюнь слегка кивнул, не встречаясь с ним взглядом.

Дверь захлопнулась с такой силой, что бокалы задрожали.

— Он всегда такой, не обращай внимания, — Сяо Цзян придержал основание бокала, дождавшись, пока дверь захлопнется, и тихо сказал:

— Мог бы делать всё идеально, но ограничивается лишь выполнением обязанностей. Тратит внимание на ненужные вещи, попусту расходует эмоции.

Сяо Цзян действительно был пьян, его голос стал хриплым, а тон жалобы — ленивым. Он не ждал ответа, держа в одной руке бокал, а в другой — бутылку, и подошёл к пианино:

— Если устал, можешь пойти спать в соседнее здание, там тебе подготовят комнату.

Бань Цзюнь, конечно, не хотел этого. Он быстро достал зажигалку и, когда Сяо Цзян взял сигарету, зажёл её.

Сяо Цзян сделал несколько затяжек, затем указал Бань Цзюню сесть на табурет у пианино и передал ему бокал:

— Попробуй.

Бань Цзюнь посмотрел на бокал.

Сяо Цзян усмехнулся:

— Я не Юй Чэ, здесь нет никаких добавок, можешь пить спокойно.

Бань Цзюнь выпил залпом, затем быстро наполнил бокал и вернул его Сяо Цзяню.

Опьянение Сяо Цзяна распространилось до шеи, и, когда он глотал вино, его кадык слегка двигался. Волосы, уложенные с помощью мусса, слегка растрепались, а расстёгнутый воротник по-прежнему открывал слабые очертания мышц.

— Каждый раз, когда ты смотришь на меня, я думаю, ты действительно меня любишь или хочешь убить, — сказал Сяо Цзян. — Хотя разница между этими двумя вещами не так уж велика, правда?

Эти слова заставили сердце Бань Цзюня сжаться. Он быстро отвел взгляд.

— Ты запомнил всех людей? — Сяо Цзян снова вернулся к делам, его пальцы скользили по клавишам пианино. Из него полились лёгкие мелодии, словно вода, падающая на лепестки цветов.

Бань Цзюнь кивнул.

— Хорошо, — сказал Сяо Цзян, глядя на него.

Они были так близко, что, даже не касаясь друг друга, чувствовали тепло.

Бань Цзюню было неловко от напряжения в штанах, он с трудом сглотнул. А Сяо Цзян продолжал говорить, что Старина Май был прав, ведь самое важное в работе с ним — запоминать лица людей. Даже если видел их всего раз, нужно знать их имена наизусть.

Он говорил, что работа водителя так же важна, как и работа секретаря, и его секретарь обучался несколько лет. Каждый человек важен, никогда не знаешь, когда он понадобится.

Он также сказал, что он не похож на Вэнь Юна, ему нужно придумывать оправдания и для начальства, и для подчинённых. Но, судя по тому, как Бань Цзюнь справляется с делами, Вэнь Юн тоже его многому научил.

Но Бань Цзюнь больше не хотел слушать.

Поэтому он встал и, пока Сяо Цзян продолжал говорить о работе, схватил его за руку с бокалом и прижал к роялю.

Прежде чем Сяо Цзян успел среагировать, Бань Цзюнь крепко поцеловал его.

Сяо Цзян сразу же упёрся в его грудь, но он действительно не мог противостоять силе человека Северных Равнин.

А Бань Цзюнь опустил руку, ощупывая его тело, разгорячённое алкоголем.

Он требовал поцелуя, глотая слюну Сяо Цзяна, вдыхая его запах. Пока не почувствовал, что Сяо Цзян тоже расслабился, он расстегнул его рубашку и вытащил её из-за пояса.

Этот поцелуй был долгим и липким. Пальцы Сяо Цзяна ловко расстегнули пуговицы на рубашке Бань Цзюня, скользнув по его талии к груди, накрыв черно-синюю татуировку. Ему нравилась эта татуировка, она напоминала о чём-то нежном и светлом, не связанном с войной.

Извилистая река и чёрный песок, на котором больно стоять, но который заставляет покориться.

Он понимал, почему люди Юнцзэ выбрали это место для казни, ведь оно не имело границ, и можно было выкрикивать всю свою ярость и желания, чтобы их поглотила пустошь.

Язык Бань Цзюня скользнул по его зубам, а пальцы проникли за пояс, нащупывая возбуждённый член Сяо Цзяна через ткань нижнего белья.

На самом деле Сяо Цзян не до конца понимал свои чувства к Бань Цзюню, ведь он не был его обычным типом.

Опять же, Бань Цзюнь был не молод, его кожа не была белой. Его черты лица были слишком резкими, в отличие от изящного и светлого лица Старины Су. Морщинки у глаз и вокруг рта напоминали о том, как время забирает жир.

Но почему-то Бань Цзюнь вызывал у него чувство знакомства и одновременно чего-то нового.

Это было не из-за того, что Сяо Цзян знал, что Бань Цзюнь всегда смотрит на него. Даже при каждой встрече, будь то среди гостей Торговой палаты Бэйва, в коридоре или саду, или за игровым столом, он чувствовал на себе этот горящий взгляд, направленный на его спину или лицо.

Несколько раз Сяо Цзян даже специально ловил его взгляд, и тогда Бань Цзюнь быстро отводил глаза, смотря в сторону.

Но чувство знакомства возникло раньше. Да, раньше Сяо Цзян должен был его видеть.

Поэтому он пытался вспомнить, не встречал ли он его при встречах с Вэнь Юном, но, кроме секретаря, Вэнь Юн никого не приводил на переговоры.

Даже если он вёз Вэнь Юна на машине, он ждал снаружи.

Сяо Цзян, вероятно, не видел его раньше.

Их брюки упали на пол, пока они жадно касались друг друга, а Сяо Цзян даже не успел подумать, как действовать дальше. Бань Цзюнь несколько раз пытался перевернуть его, прижав к пианино. Но Сяо Цзян не хотел быть в этой роли, поэтому он лишь говорил между поцелуями:

— Подожди, подожди.

Ждать Бань Цзюнь не хотел. Его рука скользнула между ягодиц, ища вход.

Он передумал, он не считал, что может быть как сверху, так и снизу. Он хотел обладать Сяо Цзяном, в тот момент его член был настолько напряжён, что это было невыносимо. Ему нужно было, чтобы Сяо Цзян задышался под ним, чтобы он смотрел на него слезящимися от боли глазами, чтобы он обмяк от проникновения и крепко обнял его, целуя.

Тогда он мог бы спросить его:

— Ты помнишь меня? Ты знаешь, кто я?

Когда Бань Цзюнь попытался ввести палец, Сяо Цзян схватил его за запястье, на этот раз с большей силой. Он буквально оттянул руку Бань Цзюня, и тот наконец отпустил его губы, глядя на лицо, которое наконец совпало с его воспоминаниями.

— Я не подхожу, — сказал Сяо Цзян. — Я... не привык.

— Значит, вы позовёте кого-то, чтобы меня убрали? — спросил Бань Цзюнь.

Сяо Цзян не врал, он действительно не привык.

<http://bllate.org/book/15264/1347052>